

4. Образование в Российской Федерации.— М.: Госкомстат, 1996.— С. 255–257.
5. Высшее образование в России: 2002. Стат. сб.— М.: ЦИСН, 2003.
6. Образование в России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России.— М., 2003.
7. Флейс Дж. Статистические методы для изучения таблиц долей и пропорций.— М.: Финансы и статистика, 1989.— С. 150.

8. Другов М. А. Что стоит за ростом высшего образования в России? Препринт ВSP/01/048E.— М.: Российская экономическая школа, 2001.— 35 с. (англ.).
9. О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой. Высшая школа. Сборник постановлений. ч. 1.— М.: Высшая школа, 1978.
10. Научные кадры СССР.— М., 1991.— С. 88.

Материал поступил в редакцию 17.02.04.

УДК 002

Е. А. Плешкевич

О понятии “документ” в документоведении и других науках об информации

Анализируется развитие понятия “документ” в научных направлениях, опирающихся на документографическую концепцию. Исходя из свойств информации, автор предлагает динамическую информационную модель, состоящую из оперативной, ретроспективной и диахронной информационных документных систем. Информация, зафиксированная в документе, разделяется на информацию, несущую смысловую нагрузку, и метainформацию (реквизиты), необходимую для включения документированной информации в систему. Предлагается новый подход в понимании “документа”, как информационного сообщения, включенного в одну из информационных документных систем с помощью системы реквизитов. Статья носит дискуссионный характер.

Одной из самых дискуссионных проблем документоведения является терминологическая, где “лидирующие позиции” занимает вопрос понимания основного предмета исследования — документа [1–6]. Длительное использование данного термина в практической деятельности, с одной стороны, и разработка данного термина в теоретических дисциплинах, не связанных с практикой документирования, с другой стороны, привели к тому, что под понятие документа попали абсолютно не совместимые друг с другом предметы. Это обуславливает не проходящий интерес к данной проблематике.

Терминологическое развитие понятия “документ” шло двумя путями. Первоначально оно происходило в контексте исторического развития термина “документ”, обозначающего длительный период один из видов документированной информации преимущественно правового характера. В этом случае понятие “документ” образовывалось путем синтеза трактовок документа, зафиксированных в различных энциклопедиях и словарях, и носило преимущественно юридический характер.

Разработчиком другого научного подхода стал Поль Отле, предложивший в начале XX в. новое понимание документа. Ядром научного понимания “документа” стало понятие “информация”, заменившее близкие по смыслу понятия “материализованная память человечества”, “интеллектуальные данные”, “графическое воспроизведение определенной мысли”, использовавшиеся в определении ранее. В середине XX в. на базе теории информации

был разработан информационный подход, ставший основным в понимании “документа”.

Информационный подход в СССР был поддержан и получил развитие [7, с. 279–288]. Под ним было предложено понимать общенаучный метод познания через идею информации и ее передачи как один из важнейших информационных процессов [8, с. 9]. Под информацией стали понимать отраженное разнообразие [9, с. 284], а под “документом” — любую запись информации [10, с. 21]. Это позволило в ряде дисциплин перейти к документной парадигме, где традиционно сложившиеся понятия, например, книга или музейный экземпляр были заменены новым понятием — “документ”. Кроме этого к документу можно было теперь отнести чуть ли не все материальные предметы, как носители информации*.

Информационный подход при безусловном научном прорыве в понимании такого сложного социокультурного феномена, как “документ” привел к размытию границ понятия. Ряд исследователей, столкнувшись с этим, подвергли ревизии информационную парадигму, а наиболее радикальные — вообще предложили считать информацию фикцией [13].

Действительно сложность и полисемантическая природа понятия “документ” делали его мало пригодным для использования в прикладных исследованиях. Однако большинство ученых осталось на позициях информационного подхода. Снизить неопределенность данного понятия можно было путем сужения границы понятия информации, зафиксирован-

* Данная дискуссия подробно освещена в научной литературе. См.: [3, 11, 12].

ной в документе, и составляющей основу термина. Причем степень сужения определялась потребностями прикладных направлений, когда предметы, отнесенные к данной категории и составляющие предмет рассмотрения, например, в документоведении, обладали бы целым рядом одинаковых свойств и характеристик.

В рамках теоретической разработки “информации”, она была разделена на социальную и биологическую. Учеными было отмечено, что информацией обладает как живая, так и неживая природа. Причем в живой природе можно выделить, например, ген, который является материальным объектом и содержит в себе наследственную информацию в виде генетического кода. Это по формальным признакам позволяет классифицировать ген как документ, при всем при том, что эти два объекта по всем остальным признакам не могут быть сведены к одному классу объектов. Разделение информации, существующей в живой природе, на биологическую и социальную позволило сузить границы понятия документа, исключив из класса документов носителей биологической информации. Социальная информация — это информация, отражающая различные стороны и уровни объективной и субъективной реальности социума, содействующая взаимодействию человека с обществом и природой в пределах того или иного пространственно-временного континуума [14, с. 22]. К ней относится информация, касающаяся прежде всего людей, их взаимодействия, их потребностей, интересов и т. д. [15, с. 64]. Разделение информации на биологическую и социальную нашло свое отражение и в понятии “документ”*.

Однако массив социальной информации, накопленный человечеством, был чрезвычайно большим и разнообразным, и для его рассмотрения социальную информацию необходимо было структурировать. В 50–60-е гг. XX столетия в вопросах терминологии ученые пришли к компромиссному решению, результатом которого стало разделение понятия документа на “узкое” и “широкое” [11]. Однако любое перемирие не может длиться долго, так как не устраивает ни одну из сторон. Терминологическая ревизия была неизбежна. Ее основой стали, во-первых, дальнейшее теоретическое развитие понятия информации, определение ее структуры, а, во-вторых, формирование в рамках данного подхода логико-семантического направления. В последнем подходе рассматривается в первую очередь само содержание и то действие, которое оно оказывает на получателя. Особенностью логико-семантического подхода является его избирательность в рассмотрении информации. Не вся полученная субъектом информация способна снижать энтропийный уровень в каждом конкретном случае.

В ходе дальнейшего рассмотрения в социальной информации были выделены семантический, прагматический и эстетический аспекты. Семантическая информация, подчиняющаяся универсальной логике, имеющая структуру, допускает точное представление и переводима на другие языки. Эстетическая информация, по мнению А. Моля, неперевоима и относится не к универсальному набору символов, а только к набору знаний, общих

для приемника и передатчика [17]. Эстетическая информация теоретически неперевоима на другой “язык” или в систему логических символов потому, что другого языка для передачи этой информации не существует. Если семантическая информация участвует в подготовке решения, то эстетическая связана с внутренним миром человека и глубоко интимна. Таким образом, носители эстетической информации не являются документами. Кроме этого, информацию было предложено разделить на объективную и субъективную. К субъективной информации относится информация уже воспринятая и отраженная субъектом [9, с. 74]. Подход к информации, зафиксированной в документе, как к субъективной информации, был поддержан рядом исследователей. Так, например, Ю. Н. Столяров отмечал, что “информация есть субъективная реальность, опирающаяся на объективную первооснову, отражающая её на уровне индивидуального сознания” [цит. по: 18, с. 34], а Р. С. Мотульский предложил информацию, созданную сознанием человека, называть нооинформацией [19, с. 8].

Следующий момент в очерчивании границ понятия “документ” был связан с разделением информации на структурную (или связанную), принадлежащую всем объектам материального мира и хранящуюся в самой структуре предметов и явлений, и оперативную (или рабочую), циркулирующую между объектами материального мира и используемую в процессах управления в живой природе и в человеческом обществе [9, с. 112; 20, с. 169–170]. Данный подход был использован исследователями, занимающимися теоретическими проблемами документированной информации в архивоведении и источниковедении [21, с. 64–65; 22, с. 123], где по тем же принципам была выделена связанная и свободная информация. Позже этот подход был перенесен в документоведение [6, с. 39–41]. Данное разделение позволило не только исключить из состава документов — носителей структурной информации — объекты предметного “письма”, коллекции и бытовые предметы, но и развести науки о документе с такими научными направлениями как музеология, археология, антропология и т. д. [23]

Таким образом, в рамках информационного подхода границы документной информации были очерчены социальной, свободной, семантической информацией. Под документом представители данного подхода стали понимать информацию, зафиксированную на материальном носителе. Определение было построено на интеграции в документе информации и материального носителя. В большей степени это определение устраивало специалистов в области теории информации, документалистики, научно-информационной деятельности, отождествляющих документ с “линией связи” и рассматривающих его в качестве носителя информации от источника к приемнику [24, с. 3]. Представители других научных направлений, предметом рассмотрения которых стали уже сложившиеся информационные системы**, добавили к данному определению аспекты, свойственные документу функционирующему в конкретной социальной среде, сохранив

* В теории библиографии под документом предложили понимать любой материальный носитель, на котором зафиксирована социальная информация в целях ее хранения, распространения (передачи) и многократного использования [16, с. 91].

** В. Н. Автократов выделяет более десяти научных направлений, изучающих документную информацию [21, с. 63].

при этом базовую основу дефиниции. Однако в рамках этих научных направлений, границы понятия "документ" оставались достаточно неопределенными.

Следующим этапом развития понятия "документ" стало разграничение в понимании документа в документоведении, архивоведении и теории библиографии. Различия между книгами и оперативными документами отмечал еще К. Г. Митяев [25, с. 31], однако четко они до сих пор не сформулированы. Мы считаем, что дальнейшее развитие информационного подхода позволит решить проблему понятийного аппарата.

За всю историю человечество накопило и продолжает вырабатывать огромный массив информации, обеспечивающей сегодня стремительное развитие социума. Информация, пронизывающая социальную ткань, образовала различные информационные уровни или плоскости, в рамках которых функционируют конкретные информационные системы. Возникновение разных информационных уровней обусловлено дифференциацией социальной информации [26; 27]. Условно информацию можно разделить на ситуативную, т. е. возникающую в ходе решения конкретных практических задач, и информацию, прошедшую аналитико-синтетическую переработку и превращающуюся в информацию-знание*. Ситуативная информация формирует горизонтальный синхронный уровень, имеющий узкие временные границы. Информация-знание образует вертикальный, диахронный информационный пучок, связывающий современников с опытом, накопленным предыдущими поколениями. Он не имеет четко очерченных временных границ и образует информационный ствол.

Рассмотрение данной информационной структуры во времени приводит к выделению еще одного уровня — ретроспективного. Его возникновение связано с одним из свойств оперативной информации — устареванием ее ценности. Согласно наблюдениям американских менеджеров, документная информация интенсивно используется в течение первых шести месяцев после ее возникновения. Затем ее оперативное значение быстро убывает "почти до полного падения к деловым бумагам примерно к 18-месячному сроку со времени их создания" [цит. по: 28, с. 41]. Однако, обладая потенциальной ценностью, документы продолжают храниться, образуя ретроспективный уровень. Информация, проходя через него, постепенно вливается в информационный пучок, несущий информацию-знания (рисунок).

Таким образом, динамическая информационная структура как общества, так и отдельного предприятия включает три информационные, взаимосвязанные системы. Носитель оперативной информации — "документ", материальные носители диахронной информации или информации-знания — "книги". Носители ретроспективной информации принято называть "архивными документами"; они занимают промежуточное место.

* Под информацией-знанием мы понимаем информацию высшего уровня и придерживаемся позиции, предложенной Ю. Н. Столяровым, который под знанием предлагает понимать переработанную, упорядоченную, приращенную и сохраненную информацию [цит. по: 18, с. 35].

** Идентификация (лат. *identificare* — отождествлять) — установление на основе определенных признаков тождества различных объектов [30, с. 123].

Динамическая структура социальной документальной информации

Исходя из вышеизложенного, критерием разделения документов в документоведении, архивоведении и теории библиографии выступает дифференциация самой информации, в ходе которой образуются информационные плоскости и уровни.

Анализ динамической модели наглядно демонстрирует, что при изменении свойств социальной информации происходит возникновение различных документальных систем, каждая из которых, состоит из "своих" документов.

В документоведении информационный подход получил свое развитие в работах К. Г. Митяева и А. Н. Соковой [25; 29]. В отличие от других научных направлений, например, источниковедения или архивоведения, где документ уже создан и стоит вопрос об эффективности использования его информационного потенциала, документоведение рассматривает не только сам документ, но и его создание. Очевидно, что документ возникает в результате целенаправленного документирования, т. е. записи по определенным правилам. Запись информации, выполненная не по правилам, документом считаться не может. Критериями, по которым носитель информации был отнесен к документам, выступили следующие критерии процедуры документирования:

- 1) носитель должен быть специально предназначен для фиксации информации;
- 2) фиксация должна быть целенаправленной;
- 3) информация должна быть идентифицирована словами (например, фотография должна иметь пояснительную записку);
- 4) информация должна быть записана для ее запечатления, хранения, передачи.

Наиболее интересным из перечисленных критериев является критерий идентификации** информации. Под идентификацией К. Г. Митяев понимал "словесное обозначение (текст, звукозапись), идентифицирующее изображение" [25, с. 29]. Понятие идентификации было расширено в работах В. М. Магидова [31; 32], изучающего кино-, фото-, фонодокументы. Всю совокупность этих документов он представил как "гиперсистему", включающую, с одной стороны, изобразительные, звуковые, аудиовизуальные документы, с другой — "комплекс письменных документов, имеющих к созданию, содержанию и техническим аспектам первой группы документации непосредственное отношение" [31, с. 110]. Таким образом, идентификация

выступила уже не как дополнительное декодирование информации путем установления тождества между изображением и письменной, устной речью, а как нечто самостоятельно прилагаемое к основному информационному сообщению в виде изображения и звука, хотя прямо об этом В. М. Магидов не говорит.

Несколько с других позиций к проблеме идентификации подошел В. М. Ларин, выделив “фиксацию информации с возможностью ее идентифицировать через реквизиты” в качестве третьего компонента документа [6, с. 79]. В данном подходе на смену “идентификации запечатленного на языке слов” [25, с. 29] пришла идентификация через более общее понятие — “реквизиты”. Это положение было зафиксировано в определении документа, данном ему в документоведении*. Возможность идентификации зафиксированной информации В. М. Ларин выделяет в качестве важнейшего критерия, отличающего документ от других носителей информации. Таким образом, идентификация воспринимается как процедура отождествления информации, в том числе и словесной. Однако параметры этого отождествления не устанавливаются, поскольку вся оперативная информация в документе трактуется как реквизит, под которым понимается обязательный информационный элемент [33]. С другими функциями к реквизитам подходит В. Д. Банасюкевич, который относит к функциям реквизитов указание на место документа в системе управления и определение вида документа [34, с. 7].

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что в рамках информационного подхода было принято два подхода к определению документа. Первый в 60–70-х гг. XX в. — информационно-генетический — путем определения документа посредством процедуры документирования. Второй — информационно-структурный подход был базовым подходом в последней четверти XX столетия. Его сущностью стало определение документа посредством описания его структуры. В рамках второго подхода научная дискуссия развернулась по проблеме соотношения информации и материального объекта, ее содержащего: “что важнее в документе: его содержание или средство закрепления информации” [35, с. 124]. И в рамках информационного подхода ответ один — информация. Однако какова практическая польза от данной дискуссии? Как справедливо было замечено “в едином глобальном информационном пространстве понятие носитель вообще утрачивает какой-либо индивидуализирующий смысл” [35, с. 124]. Исключением стал подход Г. Г. Воробьева, который указал на связь документа и информационной системы, для функционирования которой документировалась информация. В 1970-х гг., давая определение документу, он предложил под документом понимать любую семантическую информацию, выраженную на любом носителе с целью ее обращения в динамической информационной системе. Вторая часть определения говорит о том, что зафиксированное сообщение становится документом, когда оно вовлекается в комплекс информационных процессов [36, с. 11].

* Документ — это информация, зафиксированная на материальном носителе с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать [33; 6, с. 80].

** Категоричный дуализм наиболее ярко проявляется в подходе, предложенном О. П. Коршуновым, который считает, что информация существует в двух основных формах: документная и устная, т. е. не зафиксированная в форме документа [37].

Однако дальнейшего развития данный подход не получил.

Таким образом, несмотря на достигнутые в этом вопросе результаты, вопрос требует дальнейшего рассмотрения с целью более четкого очертывания основного объекта исследования документоведения — документа. На наш взгляд, наиболее перспективным является комплексный подход в рассмотрении документа. При безусловном приоритете в комплексном подходе методологии информационного подхода, он должен быть расширен коммуникационным и генетическим аспектами. Первый аспект позволяет вывить коммуникационную природу документа, второй — генетическую связь процесса документирования и документа. Мы продолжаем видеть в документе, прежде всего, информацию, однако предлагаем при этом специфический для документоведения аспект.

На наш взгляд, рассмотрение необходимо начать с сопоставления свойств информации как таковой, со свойствами информации, зафиксированной в документе. Если отраженная информация объективна, то информация в документе, отражаясь сознанием автора документа — субъективна. Кроме этого, информации, как таковой, присущи бесконечность, несотворимость и неисчерпаемость. В документе она рукотворна, ограничена физическими размерами носителя и исчерпывается способностью восприятия. Это позволяет сделать вывод о том, что социальная, свободная, семантическая информация в документе ограничена физическими и семантическими рамками сообщения, при этом само сообщение выступает более общим понятием, чем документ. В отличие от категоричных деления форм семантической информации на устную и документированную**, мы полагаем, что существует промежуточное состояние — это сообщение, зафиксированное на носителе, но не ставшее документом. Причем, если данную проблему рассматривать в разрезе исторического развития, то появление первых сообщений в виде меток, зафиксированных на материальном носителе, ученые относят к XV–IX тысячелетиям до нашей эры [38, с. 324, 328], тогда как появление документов — лишь к IV–III тысячелетиям [39; 40 с. 30].

Нельзя сказать, что этот подход является абсолютно новым. Потребность отделить информационное сообщение от сообщения, получившего статус документа, продиктована в первую очередь практикой, однако в большинстве случаев она решалась на интуитивном уровне. Если с разделением письменных и не письменных носителей информации вопрос урегулирован, то внутри группы письменных документов четкого разграничения нет. Это наглядно демонстрируют примеры с граффити. Так, например, М. П. Илюшенко считает, что “надпись на стене Брестской крепости “Погибаю, но не сдаюсь”, несомненно является документом” [3, с. 30], тогда как Г. Н. Швелова-Волка, рассматривая надписи мелом на доске, исключает их из состава документов на том основании, что после использования их можно стереть [41, с. 60]. Но ведь и надписи на стене Брестской крепости после прочтения можно стереть.

Понятие "сообщение" в качестве синонима понятия "документ" используется достаточно часто. Так, специалисты в области научно-информационной деятельности отмечают, что понятия документа и письменного сообщения не адекватны, хотя иногда они и могут совпадать [24, с. 8]. В нормативных документах, во второй статье типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, одобренного 16.12.1996 Резолюцией 51/162 на 85-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, вместо термина "документ" используется термин "Datamessage", который можно перевести как "информационное сообщение" [42, с. 42].

Термин "информационное сообщение" усиливает коммуникационный аспект информации, уточняя тот факт, что информация в данном случае дискретна, и эта дискретность имеет границы сообщения.

Структура сообщения включает "кванты" семантической информации и информации, обеспечивающей идентификацию участников коммуникации. Каждый из этих "квантов" информации выполняет в сообщении свою функцию, что обуславливает их самостоятельное развитие. Информацию, не несущую смысл сообщения, принято называть метаинформацией. Выделение в структуре информации метаинформации было предложено в документалистике, где под метаинформацией понимали информацию о связи понятий, отражаемых в соответствующих указателях, рубриках и информационно-поисковых тезаурусах, и об организации самого информационного массива [43, с. 7]. Позже данное понятие получило развитие в научно-информационной деятельности и теории библиографии. В научно-информационной деятельности под метаинформацией в документах (или документальном потоке) понимаются поисковые индексы, оглавление, справочный аппарат, иногда введение, предисловие, комментарии, уточнения, логическая структура текста, способ организации фонда документов или отдельных фактов и т. д. [44, с. 29]. В теории библиографии под метаинформацией понимается библиографическое описание [16, с. 46].

При столь разных подходах в понимании метаинформации есть, несомненно, общее — метаинформация — это информация об информации. В документоведении под метаинформацией мы предлагаем понимать информацию об организации информационной системы, которая в документах фиксируется в форме реквизитов, а под информацией — текст. Система метаинформации-реквизитов полифункциональна. Однако ведущей функцией выступает обеспечение включения и дальнейшего использования зафиксированной на материальном носителе информации в конкретной информационной системе.

Может ли семантическая (смысловая) информация фиксироваться без метаинформации? Конечно, например, семантическая информация в чистом виде представлена в черновиках, набросках, граффити. В отличие от семантической, метаинформация самостоятельно существовать не может. Основной ее функцией выступает включение сообщения в коммуникационный процесс и обеспечение получения семантической информации с наименьшими искажениями. Требования, предъявляемые к метаинформации, обусловлены конкретной информационной системой, в рамках которой осуществляются документальные коммуникации.

В современной литературе информационные системы характеризуются как интегрированные совокупности, искусственные единства методов и средств распространения, аналитической переработки, накопления, хранения, поиска и представления заинтересованным потребителям требуемой информации в заданной форме и объеме [45, с. 4]. Условно в информационной системе можно выделить два вида информации: семантическую информацию, обеспечивающую социальные процессы в обществе, и структурную информацию, содержащую сведения об организации уже самой системы и обеспечивающую функционирование данной системы. Таким образом, документирование — это включение социальной информации в информационную систему. Структура этой системы определяет совокупность процедур, необходимых для включения зафиксированной информации в информационную систему. Документирование включает три основных этапа. На первом этапе происходит вычленение из информационного потока социально значимой информации и придание ей формы сообщения. На втором этапе данное сообщение материализуется, на третьем — преобразуется в документ посредством его включения в конкретную информационную систему. Технологически данное включение происходит через добавление к информации метаинформации в форме реквизитов, набор которых определяется уже требованиями информационной системы.

Таким образом, под документом мы понимаем социальную, семантическую, оперативную материализованную информацию, имеющую форму сообщения и включенную с помощью системы реквизитов в определенную информационную систему.

Данный подход в понимании документа позволяет четко разграничить документы и не-документы, выделив в качестве не-документов сообщения, не включенные в информационную систему. Безусловно, что границу между сообщением-документом и сообщением-не-документом во всех случаях четко провести не представляется возможным. Существуют пограничные ситуации, когда сообщение находится в процессе включения его в информационную систему, однако в целом это не меняет принципы подхода. В прикладном аспекте разделение носителей информации на документы и не-документы позволит целенаправленно совершенствовать технологии документирования, более четко классифицировать новые носители информации и снять многие вопросы в понимании электронного документа.

Информационные системы каждого учреждения включают все три вида социальной информации, образуя интегрированную систему. Анализ динамической информационно-документационной модели организации наглядно демонстрирует, что основой информационного обеспечения управления выступает синтез всех трех информационно-документационных систем, которые дополняют друг друга. Таким образом, рассмотрение данной модели позволяет проследить динамику документальных метаморфоз информации, что, в свою очередь, в будущем позволит поставить вопрос не только о разделении наук, изучающих документированную информацию, но и об их синтезе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суский А. М. Анализ и попытка обобщений определений документа в XX в. (ПНР) // Документоведение и архивное дело за рубежом.— М., 1970.— № 1 (9).— С. 7-21.
2. Банасюкевич В. Д. Вопросы терминологии управленческой документации // Советские архивы.— 1974.— № 4.— С. 15-21.
3. Илющенко М. П. К понятию “документ” (эволюция термина и предмета документоведения) // Советские архивы.— 1986.— № 1.— С. 26-31.
4. Швецова-Водка Г. Н. Определение документа в документационно-информационной науке.— Л., 1991.
5. Кулешов С. Г. О понятии “электронный документ” / Документация в информационном обществе: электронное делопроизводство и электронный архив: Доклады и сообщения на шестой международной научно-практической конференции 24-25 ноября 1999 г. / Росархив. ВНИИДАД. РОИА.— М., 2000.— С. 54-57.
6. Ларин М. В. Управление документацией в организации.— М.: Научная книга, 2002.
7. Грэхем Л. Р. Естественное знание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ.— М., 1981.
8. Семенюк Э. П. Методологическая роль общенаучных категорий и подходов в информатике // НТИ. Сер. 2.— 1975.— № 2.— С. 3-12.
9. Урсул А. Д. Природа информации. Философский очерк.— М., 1968.
10. Швецова-Водка Г. Н. Книга и Документ: соотношение понятий // Книга: Исследования и материалы.— М., 1994.— Сб. 68.— С. 19-37.
11. Плешкевич Е. А. Знание о документе: к истории вопроса // Отечественные архивы.— 2003.— № 4.— С. 25-32.
12. Ступникова Т. С. Некоторые вопросы документации // Библиотековедение и библиография за рубежом.— М., 1959.— Вып. 2.— С. 165-175.
13. Соколов А. В. Информатика: Феномен? Функция? Фикция? // Философия науки.— 1990.— № 9.— С. 13-22.
14. Медведева Е. А. Современная трактовка понятия информация // Научные и технические библиотеки.— 1998.— № 8.— С. 10-23.
15. Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. Социальная информация // Вопросы философии.— 1974.— № 10.— С. 61-74.
16. Коршунов О. П. Библиография: теория, методология, методика.— М.: Книга, 1986.
17. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие.— М.: Мир, 1966.
18. Дворкина М. Я. Что такое информация? // НТИ. Сер. 1.— 2002.— № 8.— С. 33-34.
19. Мотульский Р. С. Механизм формирования и распространения нооинформации // Научно-технические библиотеки.— 2000.— № 10.— С. 4-15.
20. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации.— М., 1994.
21. Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения.— М.: РГГУ, 2001.
22. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования.— 2-е изд., доп.— М.: Наука, 2003.
23. Хама-Пира Э. И. Термин документ и музейное дело // Основные тенденции и перспективы развития архивного дела и ДОУ. Сб. научных трудов.— М., 1990.— С. 131-136.
24. Круглов С. Л. Документ — его свойства и перспективы совершенствования // НТИ.— 1967.— № 8.— С. 3-11.
25. Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения.— 1964.— № 2.— С. 27-37.
26. Артюнов С. А., Чеборкасов Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 2.— М.: Наука, 1972.— С. 8-30.
27. Куббель Л. Е. Культурные традиции в информационной сети культуры: функционирование и трансформации // Советская этнография.— 1985.— № 6.— С. 17-27.
28. Автократов В. Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД.— М., 1976.— Т. VI.— Ч. 1.— С. 17-47.
29. Сокова А. Н. К вопросу о документной систематике // Советские архивы.— 1976.— № 4.— С. 29-38.
30. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова.— 4-е изд.— М.: Политиздат, 1981.
31. Магидов В. М. Кинофотодокументы как исторический источник // Отечественная история.— 1992.— № 5.— С. 104-116.
32. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблема источниковедения советской истории.— М., 1994.— С. 321-381.
33. ГОСТ Р 51141-98 Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения.— М.: Изд-во стандартов, 1998.
34. Банасюкевич В. Д. Основные понятия в изучении структуры документов управления // Труды ВНИИДАД. Т. 5. Ч. 1.— М., 1974.— С. 5-17.
35. Моргенштерн И. Г. Документ: информация и/или носитель? // Научные и технические библиотеки.— 2003.— № 2.— С. 123-127.
36. Воробьев Г. Г. Наука как информационная система // НТИ. Сер. 1.— 2002.— № 2.— С. 1-16.
37. Коршунов О. П. Еще раз о терминологии // Библиография.— 1999.— № 5.— С. 156-157.
38. Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматологии).— М., 1982.
39. Дьяконов И. М. К возникновению письменности в Двуречье // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока. Т. 3.— Л., 1940.— С. 27-48.
40. Дандамаев М. А. Вавилонские писцы.— М., 1983.
41. Швецова-Водка Г. Н. Документ и библиография в теории социальной коммуникации // Научные и технические библиотеки.— 1998.— № 4.— С. 55-66.
42. Зайцев П. Электронный документ как источник доказательств // Законность.— 2002.— № 4.— С. 40-44.
43. Шрейдер Ю. А. Информация и метаинформация // НТИ. Сер. 2.— 1974.— № 4.— С. 3-10.
44. Блюменау Д. И. Проблемы свертывания научной информации.— Л.: Наука, 1982.
45. Райков А. Н. Единство правового и информационного пространства // НТИ. Сер. 1.— 1997.— № 7.— С. 1-8.

Материал поступил в редакцию 12.01.04.